

**Рассказ на конкурс «Страницы античности»
Номинация «Лисандр и Алквиад»**

Лиса меняет шкуру

1.

- Он помог нам победить афинян на море, переманил на нашу сторону их союзников. После этого ты просишь, чтобы я прогнал его?

Царь с усмешкой посмотрел на Лисандра.

- Лиса меняет шкуру, но не нрав. Он предал своих однажды, а значит, предаст и нас, - ответил тот.

- Разве не ты привел его в Спарту?

- Чтобы научиться воевать на море. Но не для того, чтобы позволить иностранцу править спартанскими морями.

- Без Алквиада мы бы не получили деньги персов. По-твоему, он не достоин награды? - спросил Агид.

- Он уже взял своё. Самое красивое, что есть в этом дворце.

Беременная женщина в молочного цвета тоге бросила на Лисандра беспокойный взгляд и скрылась за шторой.

- Алквиад стал спартанцем - все это видят. Он воюет на нашей стороне отнюдь не из мести Афинам. Стоит нам пойти на персов - он будет в первых рядах. Люди меняются...

- Только не те, кто однажды предал своих, - прошептал Лисандр.

Правитель резко зашагал с Лисандру и зашептал ему в лицо:

- Это афиняне предали Алквиада. Разве не ты это устроил? Разве не ты пришел

на собрание и предложил хитростью заполучить поцелованного Посейдоном юношу, любимчика Перикла и Сократа? Разве не ты сказал: «Дай мне двадцать человек, и я всё устрою. Нужно только дождаться пока у них отрастут волосы»?

Лисандр уперся пятками в пол, чтобы скрыть дрожь в ногах. Агид продолжал:

- Разве не ты со своими людьми переоделся в афинян и изуродовал священные статуи-гермы перед Сицилийским походом, а потом пустил слух, что это проделки Алквиада и его друзей? Разве не вы всё время подначивали толпу, чтобы Алквиад сняли с корабля по дороге в Сиракузы и приговорили к смерти? Не ты поджидал его в Фуриях, чтобы предложить приют в Спарте? Разве не ты похлопал Алквиада по плечу, когда тот, одержимый яростью к своим, сказал: «А я докажу им, что я ещё жив»? Это его ты называешь предателем?

Во рту у Лисандра стало суше, чем в персидской пустыне. Склонив голову, он вышел из покоев правителя и заперся у себя в спальне, дожидаться вестей от друга с востока.

2.

«Неужели что-то ещё может подарить столько счастья? Даже ласки Тимеи не могут сравниться с нежностью Нота, который по утрам спускается с южных гор. Те, кто прячется за стенами, называют ветер изменчивым, а сами целыми городами перебегают то на одну, то на другую сторону, - думал Алквиад, подставляя лицо горячему потоку воздуха. - Те, кто ещё вчера был на стороне Афин, сегодня в союзе со Спартой. Стоит ли так ругать ветер?»

С носа триремы Алквиад посмотрел на солдат.

«Спартанцы смешны. Особенно те, кто на воде впервые. Наслушались Плутарха, что море портит характер. Море лишь меняет его. После долгого странствия никто не ступает прежним на родной берег. Стоит только увидеть города чужеземцев, окунуться в их жизнь... Поймать восхищенный взгляд

незнакомки, заслужить её улыбку, затем годы носить её в сердце, спастись ей во время бури и тешить себя обещанием вернуться. После всего этого не хочется ни ячменных сухарей, не купания в ледяной воде...»

Алквиад снова обернулся.

«Они хорошие солдаты. Но афиняне... Если бы здесь были афиняне, не терпеть мне эти хмурые взгляды, которые только и выискивают под водой скалы и чудовища. Смех, здесь был бы смех. Ветер бы подхватил его и разнес по берегам мрачных соперников...»

Алквиад встряхнул головой и крикнул солдатам на корме:

- Возвращаемся домой!

Тусклые лица спартанцев озарила радость. Алквиад больше не оглядывался на них.

3.

- Носик-то какой... прямо афинский, - вырвалось у одной из сестер Тимеи.

Девушки у колыбели засмеялись, но тут же затихли под взглядом Агида. Правитель сложил руки за спиной и отошел от кровати новорожденного.

Лисандр уже ждал его в саду на скамье, вычерчивая палкой на песчаной дорожке очертания Пелопоннеса.

- У него зеленые глаза, - произнес Агид.

- Ионический подбородок, - сказал Лисандр, не отрывая взгляд от своего рисунка.

- Когда это произошло?

- Пока тебя не было в Спарте.

- Почему ты не сказал мне?

- В последнее время ты не веришь тому, что я говорю. Начинай убеждаться сам.

Некоторое время они молчали.

- Он не вернулся в Спарту, ведь так? - Лисандр покосился на правителя.

- Кто-то предупредил его.

- Знаешь где он?

- Убежал к Тиссаферну.

- Неужели? Этот настоящий спартанец, неспособный на предательство?

Агид отвернулся.

- Алквиад у персидского сатрапа. Плохи дела, - произнес Лисандр.

- Ему сказали, что я собираюсь убить его. Каждый спасал бы шкуру на его месте.

- Так может простишь его, попросишь вернуться?

Агид следил за движением палки Лисандра по песку.

- Когда такое случается, всегда виноваты женщины. Это Тимея соблазнила его.

И, в конце концов, он сбежал к нашим союзникам, а не к врагам.

Лисандр сморщил нос и встал.

- Мне пора.

4.

- Ты уже не грек, - пухлые губы Тиссаферна растеклись улыбкой. - И в Афинах, и в Спарте тебя приговорили к смерти, так что теперь ты почетный гость при моем дворе.

Ковры настланы один на другой, на них тысячи шелковых подушек, а на подушках - женщины. Ровно половина из них смотрела на хозяина. Другая половина - на гостя.

- Всегда хотел узнать: в чем твой интерес потакать капризам Спарты? - спросил Алквиад.

- Теперь ты не грек, и я могу сказать правду. Хочу, чтобы афиняне и спартанцы перебили друг друга. Я, признаюсь, ненавижу греков. Демократия - каждый

кричит что хочет. Разве могут овцы давать указания пастуху? Народ глуп, падок на интриги и сплетни.

- Да... - выдохнул Алквиад.

- Отдаешь ему душу, а потом какая-нибудь крикливая бабенка на площади разинет рот, и туже толпа готова растерзать своего благодетеля.

- У спартанцев всё не так, - улыбнулся гость.

- Эти другие, да. У этих крикливой бабенке быстро заткнут пасть. Но, знаешь, грубые они, как прошлогодние лепешки. Как можно уважать тех, кто не любит жизнь, не наслаждается её радостями?

Тиссаферн поманил к себе одну из женщин. Она поднялась, позвякивая браслетами, села позади своего господина и принялась поглаживать его по щекам.

- Жесткие колыбели, - продолжал Тиссаферн, силясь удержать глаза открытыми. - Брошенные в пропасть слабые мальчики. А те, кто выживает, до двенадцати лет ходят голышом. Неужели после такого может сохраниться красота души? Посмотри в глаза спартанцам - они все уже мертвые. Бесстрашные мертвецы со сталью под кожей.

- Ты прав, - заговорил Алквиад, - только оказавшись здесь, при твоём дворе, я вспомнил что такое настоящая жизнь.

Тиссаферн подал едва заметный знак, и одна из наложниц села рядом с Алквадом. Гость покорился её ласкам, подражая улыбке хозяина.

- После всего, греки мне ненавистны даже больше, чем тебе, Тиссаферн. Теперь моё сердце принадлежит твоему народу, а с этого дня ты мой единственный друг. Потому позволь дать тебе совет: в твоих руках главное оружие в войне между Афинами и Спартой. Если будешь продолжать давать деньги спартанцам - перевес будет на их стороне. Тебе это не нужно, так ведь? Однако, с твоим-то умом, ты не раз думал об этом.

- Конечно, - Тиссаферн самодовольно улыбнулся. - Но хотел услышать это от тебя...

5.

- Пустыня перестает быть жестокой и становится нежной, как спасенная от смерти наложница, когда у тебя в ней появляется друг.

- Я ненадолго на берег, Тиссаферн.

- Я знаю, больше тебя нигде не ждут. Потому не буду грустить по тебе.

Алквиад не терпел мужских слез, потому поспешил попрощаться с Тиссаферном. Пустыня опротивела Алквиаду, ласки покорных женщин вызывали тошноту и, хотя ветер менялся каждый день, стояние на одном месте наскучило ему.

Тиссаферн дал Алквиаду четырех проводников до порта, где ему было велено не открывать лица и не называть своего имени. Но стоило Алквиаду увидеть в шумном городе на проливе между морями двух афинских моряков, он забыл об осторожности. На них были персидские одежды, как на самом Алквиаде, но он сразу узнал спокойные лица, сияющие азартом глаза, и воспоминания о прежней жизни набросились на Алквиада, как голодные коршуны на кролика. Там, во взглядах и движениях этих двоих, были состязания на колесницах, походы в парфюмерные лавки, ночные шалости с друзьями, большой дом, где у него был свой повар и без числа прислуги, и ни одна из гетер не отказывала ему в свидании.

На пропахшей рыбой пристани, среди людей со злобными глазами и мелкими душами, Алквиад колебался лишь мгновение. Он по очереди сжал в объятиях афинских моряков, и они сразу узнали его. Когда-то давно, ещё перед походом в Сиракузы, он командовал ими. С тех пор не попадались им начальники ни такой силы, ни такой красоты. Они втроем до заката просидели на пристани, упиваясь воспоминаниями о былых победах, пока к Алквиаду не приблизились четыре тени, которые возвещали, что пора возвращаться ко двору, где в его честь называли самый красивый из садов.

Чувства разрывали сердце троих афинян, потому ни Алквиад, ни моряки не заметили мужчин в черном, которые наблюдали за ними издалека. Когда Алквиад и афиняне разошлись в разные стороны, незнакомцы тоже разделились.

По возвращении у Алквиада уже не было сил улыбаться и льстить Тиссаферну. Он проводил дни взаперти, жевал изюм и чувствовал, как земля пылает под его ковром, словно от царства Аида его отделяла лишь апельсиновая корка.

Незнакомец, который следовал за Алквиадом из порта, выжидал пока скука и бессонница сделают своё дело. Однажды ночью, когда очередная посланная Тиссаферном наложница, едва успев войти, выскочила из спальни Алквиада, человек в черном решил, что момент настал.

- Алквиад, афинские моряки зовут тебя к себе, - прошептал он, отодвинув полу занавески.

6.

Старик с обширной плешью на голове был единственным слугой в доме Лисандра. Однажды в полдень, когда улицы Спарты опустели, а дома наполнились запахами бесхитростной стряпни, сердце слуги впервые за долгие годы напомнило о себе неистовым стуком. Всё от того, что глуховатый старик, едва не задохнулся при виде правителя Спарты, непонятно откуда возникшего за его спиной. Позади Агида, на пороге маленькой кухни и в саду, толпилась дюжина седых мужчин с искореженными тревогой лицами.

- Лисандр дома? - спросил царь.

Фрасибул закашлялся и указал сухой рукой на левую из двух дверей. Агид вошел в заполненную мраком комнату. Его спутники, смущенный темнотой, столпились в проеме.

- Алквиад с афинянами разбили нас при Абидосе. Миндар с остатками войска сбежал на сушу, - сказал Агид, различив в потемках силуэт своего советника.

- Сейчас сидят при дворе Фарнабада, - слышалось за спиной Агида. - Из-за этого поражения Фарнабад придерживает деньги.

Правитель обернулся, вытолкнул стариков наружу и закрыл дверь.

- Алквиад с афинянами? - улыбнулся Лисандр. - Кто бы мог подумать?

- Опять будешь говорить про лису? - прогремел Агид, но туже обмяк и опустился на стул.

- Это моё любимое животное.

Лисандр впервые осмелился положить руку на плечо правителя. Агид поднял на него покрасневшие глаза.

- Что нам делать, Лисандр? Почему ты улыбаешься?

Шорох в темной половине комнаты обратил на себя взгляд правителя. Только в этот миг Агид разглядел закутанную в темное полотно фигуру. Человек высвободил из складок пальцы и открыл лицо. Агид узнал густую бороду и ястребиный нос Кира, младшего сына персидского царя.

- Война - дорогое удовольствие. Не так ли, правитель?

На губах самого честолюбивого из всех персов застыла точно такая же улыбка, как у Лисандра.

- Ты всё мечтаешь о троне? - отозвался Агид.

- Мечтаю, - сказал Кир. - И готов авансом заплатить за спартанских наемников.

Несколько мгновений царь переводил взгляд с одного на другого. Затем встал, похлопал Лисандра по плечу и расхохотался:

- Теперь понятно кто здесь лиса.

Мария Фариса